

Сегодняшнего гостя «Молодого дальневосточника» представлять подробно и обстоятельно нет нужды. Каждому внимательному кинозрителю знакомо имя **ВИКТОРА МЕРЕЖКО**, автора сценариев таких известных фильмов, как «Здравствуй и прощай», «Одиножды один», «Трын-трава», «Трясина», «Родня», «Полеты во сне и наяву» и других.

В октябре известный мастер советского кино встре-

— Вот-вот. Поэтому мы и бодренько отвечаем: «У меня все в порядке. Полный ажур». Хотя никаким ажуром и не пахнет. Но мы привыкли почему-то, как бы это сказать, закрываться от посторонних взглядов в душу. «Мое это мое и только мое». Как писателя в кино, в театре меня это очень волнует и беспокоит.

— Вы могли бы об этом даже не говорить вслух, потому что в вашем кино-

судьба или судьба, сложившаяся не так, как хотелось бы человеку, который был способен на большее, но сделал меньше — это ведь огромная общественная проблема.

— Я слышал, что главную роль этого фильма вы писали для Никиты Михалкова?

— Я часто так делаю. Мне так легче. Я уже вижу перед собой человека с его манерой говорить, двигаться, молчать, курить...

халкова и его постоянных соавторов) или собравшийся на один раз.

С другой стороны, мне по-человечески интересно работать с разными режиссерами. Но интереснее всего было с Михалковым. Сам процесс на съемочной площадке, которым он руководит, — это чудо. Оно нельзя рассказать, это издалека только видеть. Никита — это фонтан идей, фейерверк юмора, это восхитительные знания и беско-

ЗДРАВСТВУЙ И НЕ ПРОЩАЙ, КИНО

чался во Владивостоке и Хабаровске с почитателями своего таланта, в один из дней поездки и состоялся разговор с ним, запись которого предлагается читателю.

— Виктор Иванович, давайте начнем с ваших впечатлений о Дальнем Востоке. Вы ведь, кажется, впервые побывали в наших краях?

— Вы не ошиблись, так далеко от Москвы я заехал впервые. Разумеется, доволен не только расстоянием, которое преодолел, но и тем, что и кого увидел. Дальний Восток — край, в котором есть чему удивляться, чем восхищаться. И если я сейчас начну вслед за многими восклицать по поводу изумительной природы, всевозможной экзотики, то это будет общим местом. Особенно порадовало другое. В тех аудиториях, где приходилось мне в эти дни выступать, я совершенно не ощущал, что нахожусь в девяти(!) часах лета от Москвы с ее в какой-то мере пресыщенной зрительской публикой. Дальневосточный зритель увиделся мне умным собеседником, хорошо знающим не только кинематограф, что вполне объяснимо демократичной сущностью десятилетия мюзь, но и знатоком литературы, театра, изобразительного искусства... Мое личное тщеславие было удовлетворено тем вниманием дальневосточных зрителей к моему скромному творчеству, которое я хорошо почувствовал.

Только, прошу, в том, что я сказал, не усмотрите, пожалуйста, комплимента из вежливости. Вот, мол, приехала «московская штучка», потрела провинциала по плечу: молодцы, ребята, знаете, что к чему. Я люблю провинцию и ее нравственную атмосферу. Во-первых, я сам провинциал по рождению. Вырос в донском хуторе, окончил сельскую школу, прежде чем поступил во Львовский полиграфический институт и стал позднее жителем столицы. Во-вторых, есть в отношениях между людьми провинции искренняя заинтересованность и участие в делах друг друга, желание помочь в беде и умение поделиться радостью. Типичный же обитатель крупного города, тем более — столицы, выбрал себе в верховные боги Время. Оно и в самом деле дорого в сегодняшнем мире, но не настолько, чтобы постепенно утрачивать теплоту человеческих отношений. Я, конечно, категоричен и сугубо субъективен в своем противопоставлении. Но, в самом деле, попробуйте на дежурный вопрос «Как жизнь?» отвести вашего знакомого в сторонку и хоть в какой-то степени подробно рассказать о своей жизни. Что, трудно представить?

— И трудно, и забавно. Думаю, больше этот знаковый подобных вопросов не задаст.

творчестве это беспокойство бросается в глаза. Многие ваши герои испытывают душевный разлад и дискомфорт. Суетятся, мечутся, никак не могут найти в себе какой-то важный стержень. Вот и последний ваш фильм, получивший большой зрительский резонанс («Полеты во сне и наяву»), имеет такого героя. Как появился он на свет? Не могли бы вы показать ваши «черновики»?

— Надо сказать что сценарий этот рожден случайно. Уже после того как мы с Никитой Михалковым закончили работу над фильмом «Родня», Никита Сергеевич остановил меня как-то в коридоре «Мосфильма». И сказал приблизительно следующее: есть талантливый режиссер Роман Балаян, который уже долго простаивает без работы из-за отсутствия достойного сценария. Не могли ли вы чем-нибудь выручить, например, таким пустяком, как новый сценарий? Надо сказать, что предложение это я услышал в как нельзя более неподходящий для себя момент. Работы запланировано года на три вперед. Словом, я заупирался, тем более узнав, что будущий фильм, скорее всего, Балаян будет снимать на студии, с которой у меня еще в молодую пору не сложились отношения. Мы простились с Михалковым, так ни о чем и не договорившись. Никита просил все-таки еще подумать. Это «подумать» могло продолжаться как угодно долго, если бы в один прекрасный день Балаян не предстал передо мной лично. Отказать ему сразу, в глаза, мне почему-то было трудно. Поэтому разговор о сценарии состоялся. Для начала я спросил, о чем бы хотел снять фильм Роман.

— О себе, — ответил он.

— То есть? Расшифруй.

— Вот слушай. Я с детства всегда хотел быть первым во всем. Быстрее всех бегать, дальше всех прыгать. Лучше всех учиться. Больше всех знать. Я хотел стать заметной личностью. Хотел признания своего таланта, который, как мне представлялось, у меня есть. Но годы шли и шли. Мне почти сорок. У меня репутация «способного неудачника». Скромная квартира и огромные долги. Мне не везет в работе, и потому не всегда ладно в семье. И, может быть, у меня уже не хватит сил исправить все это. Потому что от юношеского стремления первенствовать, вообще от юности во мне осталось только, пожалуй, то, что я во сне летаю.

В ту секунду во мне родилось это название — «Полеты во сне и наяву».

Монолог этот был, понятно, куда более подробным. И он меня очень заинтересовал как отправная точка для серьезного литературного размышления. Тут в самом деле огромные возможности для исследования. Несложившаяся

И тогда на этот «скелет» нарастает «плоть». Так было и в этот раз. Но предложил я сценарий Михалкову в неподходящий (теперь для него) момент. Он не отказал, а просто отложил разговор на «потом», и мы с Балаяном довольно долго ждали, пока в один прекрасный день, находясь в разных городах, не увидели одну талантливую телевизионную работу Олега Янковского. Роман позвонил мне из города, где он живет, и сказал мне то, о чем я и сам подумал: не предложить ли роль Олегу?

В тот же день я отыскал Янковского, который утром сбегался в Таллин на съемки телефильма из серии о Шерлоке Холмсе, и вообще всегда занят сверх всякой меры. Он замахал руками и слушать не захотел ни о каких сценариях, но я его уговорил хотя бы прочитать.

А ночью он позвонил мне домой и закричал: «Старик, это гениально! Я буду это играть даже на студии, которую мы оба с тобой не очень любим! Умоляю, не показывай это больше никому. Я всю жизнь мечтал сыграть эту роль!» и т. д.

Он сыграл ее блестяще. Вообще этот фильм — любимая работа из тех, что я делал в кино.

— Режиссер снял ее так, как вы это хотели и видели!

— На 99 процентов. Балаян — серьезный человек. И серьезный художник. Мне даже кажется, что чуть-чуть слишком. И в процессе съемок я не раз просил Романа снимать чуть «полегче», чтобы не впасть в ложную и насупленную многозначительность. Хотелось немного иронии, немного смеха, что не пошло бы в ущерб серьезной проблематике картины, а напротив, подчеркнуло бы ее. И все-таки, повторюсь, это моя любимая картина.

— А как вы вообще относитесь к фильмам, снятым по вашим сценариям? Совпадают ли ваши оценки с оценками коллег, критики, зрителей?

— Мои фильмы. — мои дети. Даже неудавшиеся. Среди тех, что считаю вполне состоявшимися, назову «Трясину», «Родню», «Полеты...», еще два-три. Так же отнеслась к ним и кинопублика.

— Вы работали с самыми разными режиссерами — разными творческими темпераментами, художнического мышления, возраста, наконец. У вас нет «своего» режиссера, проще говоря. Это хорошо или плохо?

— Это, я бы сказал, не хорошо и не плохо — это не важно. Главное — результат, то есть фильм. Он может быть плохим или хорошим, и это никак не зависит от того, создал ли его сложившийся творческий коллектив (как у Ми-

нечное обаяние. Он умеет влюбить в себя весь съемочный коллектив, и каждый поэтому работает на 300 процентов своих возможностей.

Хотя, должен признаться, я очень сомневался, когда предлагал сценарий будущему фильму «Родня» Никите Сергеевичу. Материал, думал я, ему незнакомый. Даже надеялся, что он откажется. А он согласился. Потом, когда я просмотрел уже первые отснятые эпизоды, сомнения не оставляли меня. Мы честно поругивались. Мне казалось, что режиссер перебирает по части смеха, водевильничает, «капустничает» (помните, в одном эпизоде зритель видит «сеймейное» фото, на котором запечатлены сам Михалков, художник Александр Адабашьян и оператор Павел Лебешев? Уж как я ругался: зачем эти «хохмы»?). Но шло время, фильм все отчетливее и целостнее просматривался по-настоящему художественным произведением. Я все больше поддерживал режиссера («а что? Может быть и так!» — думал я). Словом, фильм, считаю, получился.

— Кино — творчество коллективное. У сценариста и режиссера, например, неизбежны трения, столкновения мнений. Автору, видимо, порой кажется, что здесь постановщик что-то недоделал, здесь переделал, а тут и там и вовсе не так и не о том. Вам никогда не хотелось снять ленту самому?

— Боже меня упаси! Сумасшедшая работа! К тому же требующая самых глубоких профессиональных знаний, умений, навыков... Нет уж, пусть пироги печет пирожник. И если сегодня стало «модным» браться за это дело непрофессионалам, то этого лично я одобрить не могу. Нельзя ведь в самом деле учиться, например, монтажу в процессе... самого монтажа. И нельзя снимать фильм для самоутверждения («Я вот и это могу сделать!»). Снимать надо, чтобы создать произведение искусства.

— Вы все чаще стали писать для театра. Разлюбили кино?

— Кино — моя первая и самая сильная любовь. Другое дело, что мне стало интересно работать и в театре. Мне дорого театральное чудо — чудо свершающегося на глазах действия. Фильм же не изменишь, он снят раз и навсегда. И не закричишь во время сеанса: «Граждане, это не я в этом эпизоде виноват, это все режиссер (актер, художник) напортачил». И все-таки кино я не брошу.

— Желаем вам написать сценарий для фильма, и чтобы потом сценаристу не захотелось бы закричать «Это не я!».

— Спасибо!

С гостем беседовал А. СЕЖКИН.